

(стр. 23). Странно, что автор, говоря о судьбе и.-е. **dhughetēr* в латинском, не учел остаток италийского **fug'tir* в оск. *fütir*. Утверждение, что «слово *bratъja* вообще не существовало в праславянском языке и было вновь образовано в старославянскую эпоху по образцу греч. φρατρία . . .» (стр. 34), мягко говоря рискованно, поскольку не принимает в расчет наличия параллельного *bratъja* (широко в народных славянских языках) в общем ряду параллельных образований от *bratъ* и *bratъ* с их дославянскими ещё истоками. Несходство значений *bratъja* и φρατρία (там же) лишь ослабляет мысль Шаура о греческом образце. На стр. 72 я с удивлением прочел, что «новую» этимологию слова цслав. пастѣръкъ, болг. *настрок* и т. д. из **pa-patōr* от и.-е. **patēr* 'отец' автору «сообщил Ш. Ондруш в письме». Точности ради напомним, что в моей «Истории славянских терминов родства» (М., 1959, стр. 53) говорится буквально следующее: «Этимологически прозрачно болг. *настрок* 'отчим' < **pōpatōr*».

Наиболее существенным вкладом автора в этимологию терминов родства является его толкование слов. *šurъ* 'брат жены, шурин' (стр. 65) не в связи с др.-инд. *syālā-h* то же или в целом от и.-е. **siū-* 'шить, связывать' (**siour-*), а в связи с чеш. *šurý* 'косой', 'кривой, непрямой', нареч. *šourem* (ст.-чеш. *šaurem*, XVI в.).

Из любопытных новинок этимологизации терминов родства последнего времени упомянем сближение лат. *nupta* и праслав. *nevěsta* у Ш. Ондруша, которое реферирует и автор на стр. 60: славянское слово при этом получает оригинальную реконструкцию *(*s*)*negebhtā* и соответствие в другом индоевропейском языке. Разумеется, всех формальных затруднений в этом по-прежнему трудном слове не снимает и эта новая этимология. Этого вопроса В. Шаур касается вскользь, впрочем, краткость и суммарность изложения вообще характерна для его книги, представляющей собой ряд очерков по выделенным наиболее важным вопросам, без равномерного обозрения всего материала, что делает необходимым при чтении свежей работы Шаура параллельное консультирование в работах его предшественников на ту же тему.

О. Н. Трубачев

W. B o r y ś.

Prefiksacja imienna w językach słowiańskich.

Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1975 (= «Monografie slawistyczne» 32)

Автор книги, уже известный ранее своими публикациями о древних моделях славянских именных префиксальных образований, главным образом в сербохорватском языке, предложил на этот раз вниманию читателей монографию, охватывающую материал всей собственно именной префиксации во всех славянских языках. Научная актуальность подобного исследования не требует доказательств, когда вопросы праславянской лексики и словообразования привлекают исследователей, к числу которых принадлежит и автор (в настоящее время В. Борысь — руководитель группы Праславянского словаря в Кракове). Не требует дальнейших разъяснений и практическая сложность осуществления этой задачи, поскольку речь идет о выделении пласта самобытных образований, связанных не всегда ясными отношениями с продуктивными моделями глагольной и глагольно-именной префиксации, а то и не связанных вовсе с этой последней словообразовательной категорией. Ярко именной характер образований, лексическая обособленность и даже ясность отдельных случаев выдвигает перед исследователем различные специфические проблемы, поскольку иногда приходится прибегать к этимологии, а иногда — покидать пределы апеллативной лексики и привлекать ономастику, в частности топонимию, в которой сохранились подчас уникальные примеры исследуемых образований, неизвестные среди нарицательных имен.

Во введении к работе дается обзор общей проблематики и состояния изучения вопроса в литературе с беглым перечнем самой литературы в подстрочных примечаниях. Раздел этот написан слишком суммарно и кратко, о чем стоит пожалеть, тем более, что как будто отдельные слова и образования, рассмотренные прежними исследователями, в собственной дальнейшей работе автора

ускользнули от его внимания, при всей очевидной для нас тщательности В. Борься. Мы говорим «как будто», потому что при книге нет указателей, которые бы позволили уверенно и быстро констатировать наличие или отсутствие в собственном анализе автора таких слов как польск. *wątpić* (бегло упомянуто только в названии статьи А. Вайяна на стр. 8, примеч. 3) или местное название *Супрасль* (встретилось мне только в названии известной статьи С. Яшунского, там же).

В следующих четырех особых главах рассматриваются образования с приставками *pa-*, *pra-*, *sq-*, *q-* с первоначальным вниманием всякий раз к праславянским производным (или сложениям). Автор умело выделяет не только архаичные, но и сравнительно новые образования, причем приходит к довольно интересным наблюдениям относительно тенденций в этой части материала, ср. особенно в главе о префиксе *pa-*, где говорится о популярности образований с этим префиксом в восточнославянском (стр. 32, 57). Большинство новообразований при этом приходится на народные говоры, тогда как в литературном языке сосредоточены старые образования (стр. 51). Представляет определенный интерес также функционально-семантический анализ образований на *pa-* (стр. 48). Что касается состава образований на *pa-*, то при чтении работы Борься остаются некоторые сомнения и неясности. Автор преследует очевидную цель полноты изложения материала, однако мы не нашли у него упоминания таких слов как русск. *паус* и *пакля*, которые так или иначе должны были быть упомянуты в связи с образованиями на *pa-*. Слово *пáус* 'икряной мешочек рыбы' (ср. *паюсная икра*), признанное у Фасмера неясным, довольно давно объяснено нами из первоначального **паюз* 'мешочек (из рыбьего пузыря, кожи животных)', ср. три паюза сала ворвань, 1667 г., Картотека ДРС¹. Таким образом, русск. *паус* занимает положенное ему место среди продолжений слав. **pa-(j)qzъ/*pa-(v)qzъ* (см. о них у автора на стр. 18—19). О русск. *пакля*, блр. *пáкулле*, польск. *pakul* было бы уместно вспомнить как о заимствовании из лит. *pākulos* (от *pa-* и *kūlti* 'бить, молотить')². По структуре это слово очень близко к синонимичному исконному русск. диал. *pámprenki*, блр. диал. *pámpań'e*, *pámpśń'e*, 'отходы от трепанья льна' (см. о последних у Борься на стр. 33), принадлежа же вместе с тем к редким примерам иноязычного происхождения на приставку *pa-*. Таким образом, в монографии наблюдаются некоторые пропуски, касающиеся этимологических случаев, хотя работа по историческому словообразованию должна быть тесно связана именно с этимологией.

Интересно наблюдение автора о том, что префикс *pra-* не сохранился в полабском и нижнелужицком (стр. 68). Относительно формы *prasolъ* автор полагает, что это самое старое образование на *pra-* и одновременно праславянский диалектизм (стр. 81).

Как мы уже отметили вскользь выше, в главе о префиксе *sq-*, к сожалению, пропущено такое оригинальное и известное только в качестве топонима сложение как *Супрасль* (блр.) < **sq-před-slb*, соотносительное с глаголом **sz-pręsti/*sz-prędati*. Равным образом мы отнесем к образованиям на *sq-* и другое, тоже исключительно топонимическое слово — *Судзаль* (русс.) < **sq-zdaľь*, соотносительное с глаголом **sz-zьdati*³. Борься иногда обрабатывает к ономастике за подтверждениями, ср. приводимые у него под *spotokъ*, *spotoka* польский топоним *Santoka* и русск. *Сутока*, *Сутоки* (стр. 94), а также *spotěska* в топонимии (стр. 100), но приведенные нами выше примеры показывают, что здесь еще многое остается сделать.

Любопытно объяснение архаичной формы праслав. *sgubъz* как содержащей и.-е. **sem-* 'один' (стр. 124). Что касается генезиса самого префикса, то автор, возможно, слишком категорично судит о едином для него прототипе — и.-е. **som* (см. стр. 129, примеч. 88). Слияние разных прототипов в одной славян-

¹ См. напр. дополнение: Фасмер III, стр. 224.

² Фасмер III, стр. 189.

³ О. Н. Трубачев. Снова о названии *Судзаль*. «Zpravodaj Místopisné komise ČSAV. Věnováno univ. prof. dr. V. Šmilauerovi k osmdesatinám», číslo 1—2—3. Část druhá. III. Toponomastika. Ročn. XVI, 1975, стр. 377 и сл.

ской форме, или, например, затруднительность индоевропейской реконструкции для слав. *po-* и *pa-* (стр. 64) весьма типичны. Поэтому Борьсь несколько ближе к истинному положению вещей, когда он затем сам склонен допустить слияние в праслав. *sp-*, *sv(n)-* нескольких первичных превербов (стр. 147). Полезно для этого прибегнуть к аналогии греческого, где форма предлога-приставки ξύν 'с', более первоначальная, чем σύν, тоже допускает мысль о слиянии и.-е. **kot* и **som*.

О. Н. Трубочев

Georg Morgenstierne.
Etymological Vocabulary of the Shughni Group.
Wiesbaden, 1974, 119 стр.

«Этимологический словарь языков пугнанской группы» выдающегося норвежского ираниста Георга Моргенстьерне — закономерное завершение его пятидесятилетних плодотворных занятий сравнительно-историческими исследованиями памирских языков, начатых в 20-е годы во время поездок в Афганистан и северо-западную Индию. На основе собранных во время этих поездок материалов по всем памирским языкам и многим их диалектам были написаны очерки, освещающие современное состояние и историю йидгомунджаңского, санглиско-ишкашимского и ваханского языков, составившие второй том известной серии Г. Моргенстьерне «Indo-Iranian Frontier Languages» (IIFL) ¹. Но самой значительной по числу носителей группе памирских языков — пугнанской или пугнано-рушанской, включающей пугнанский, рушанский, хуфский, бартангский, орошорский (рошорвский) и сарыкольский языки — Г. Моргенстьерне посвятил лишь статью о шугнанском в первом номере «Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap» ². Статья содержит очерк сравнительно-исторической фонетики пугнанского языка и небольшой (стр. 45—80) словарь с краткими сведениями об этимологии. Этот словарь и служил долгое время основным источником сведений по истории шугнанских слов ³.

Составление этимологического словаря языков пугнанской группы стало возможным лишь после выхода в свет многочисленных публикаций советских ученых по памирским языкам и, в целом, словарь построен именно на материалах, собранных на Памире советскими исследователями ⁴.

Этимологии слов в рецензируемом словаре даются, по возможности, лаконично (аналогично словарям, входящим в состав IIFL), указывается, как правило, «ближний источник» (авест., др.-ир., реже др.-инд. и и.-е. в тех случаях, когда в древнеиранском этимон не засвидетельствован), вместе с тем, сравнительный материал по языкам пугнанской группы, близкому к ней язгулямскому, другим памирским и вообще восточноиранским приводится с большой

¹ В 1973 г. первые три тома серии были переизданы фотомеханическим способом с некоторыми исправлениями и дополнениями автора.

² G. Morgenstierne. Notes on Shughni. — NTS I, Oslo, 1928, стр. 32—84.

³ На нем основывается, в значительной степени, и работа: Р. Х. Додыхудоев. Материалы по исторической фонетике пугнанского языка. Душанбе, 1962. — Содержащиеся в этой работе «новые» этимологии в большинстве случаев следует отнести к многочисленным в пугнанском заимствованиям из таджикского: слова типа пугн. *γirāt* (см. ниже), *xirad* 'ум', *čarx* 'прялка', *surzd* 'болезнь пшеницы' (тадж. *surz* 'красный'), *tiraxtd* 'тугой', *firox* 'широкий', *surb* 'свинец' и проч. Много хороших этимологий содержится в работе: В. С. Соколовой. Генетические отношения язгулямского языка и пугнанской языковой группы. Л., 1967, использованной Г. Моргенстьерне при составлении рецензируемого словаря.

⁴ Работы И. И. Зарубина, В. С. Соколовой, Т. Н. Пахалиной, Д. И. Эдельман, Д. Карамшова и др., полный перечень которых приводится в списке сокращений к словарю.